

© К.М. Королев, Н.С. Петрова, Н.Н. Рычкова, Д.А. Трынкина,
Г.Ю. Устьянцев, О.Б. Христофорова

«Фolk-просвет»: научно-популярная литература о фольклоре в оценках авторов-ученых

Ключевые слова: фольклор, фольклористика, массовая культура, публичная антропология, производство знания, мифология, популяризация.

Интервью посвящено современной русскоязычной научно-популярной литературе по фольклору и этнографии. Его участники — академические исследователи, авторы научно-популярных книг — делятся своим опытом в этой области. Среди обсуждаемых вопросов: причины роста читательского интереса к фольклору и особенности современного читательского запроса, специфика презентации научного знания для широкой аудитории и сложности переключения между академическим и научно-популярным стилями письма, взаимодействие с издателями и проблема экспертности. Ответы участников опроса приоткрывают немало подробностей современного «фольклорного просвещения», его особенностей и перспектив.

Королев Кирилл Михайлович — к. филол. н., независимый исследователь. E-mail: cyrilkorolev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8831-2970>

Петрова Наталья Сергеевна — к. филол. н., ст. н. с. Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, зав. кафедрой культурологии и социальной коммуникации РАНХиГС. E-mail: penat.talya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6514-5601>

Рычкова Надежда Николаевна — к. филол. н., ст. н. с. Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС, отв. секретарь журнала «Фольклор: структура, типология, семиотика». E-mail: nadya.vohman@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5516-1643>

Трынкина Дарья Александровна — к. ист. н., ст. н. с. Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, доц. Учебно-научного института антропологии и этнологии РГГУ, редактор англоязычных текстов журнала «Фольклор и антропология города» (ШАГИ ИОН РАНХиГС). E-mail: gamagadoki@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6432-204X>

Устьянцев Герман Юрьевич — к. ист. н., ст. преподаватель кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, с. н. с. Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. E-mail: ustyan-93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0655-3127>

Христофорова Ольга Борисовна — д. филол. н., директор Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, проф. Института антропологии и этнологии РГГУ, в. н. с. Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС. E-mail: okhrist@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5041-2335>

Для цитирования: Королев К.М., Петрова Н.С., Рычкова Н.Н., Трынкина Д.А., Устьянцев Г.Ю., Христофорова О.Б. «Фolk-просвет»: научно-популярная литература о фольклоре в оценках авторов-ученых // Антропологии/Anthropologies. 2026. No 1. С. 46–71, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/46-71>

Данная статья, в части Н.Н. Рычковой, подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС. This article, authored by N.N. Rychkova, was written on the basis of the RANEP state assignment research programme.

Сегодня полки книжных магазинов и витрины маркетплейсов пестрят научно-популярной литературой, хотя еще совсем недавно, десятка полтора лет назад, представить такое было попросту невозможно — коммерческие издатели не понимали «товарного потенциала» такой литературы и, как следствие, не торопились ее издавать, отдавая предпочтение разнообразной «художке». Но, ориентируясь на мировые тренды, они все же начали осторожно пробовать новый сегмент рынка — и, можно сказать, постепенно увлеклись: если в 2012 г., например, еще звучали слова о необходимости «поиска не-насыщенных сегментов», то уже в 2019 г. на очередной книжной ярмарке представители ведущих отечественных издательств констатировали «торжество non-fiction», имея в виду прежде всего научно-популярную литературу (подробнее об этом см.: *Королев 2026*)¹.

Конечно, поток научпопа чрезвычайно многообразен: в этой рыночной нише конкурируют за внимание читателя как естественнонаучные книги (физика, химия, биология), так и гуманитарные и социальные исследования. Но даже в этом многообразии «фольклорный след» отчетливо различим: научно-популярные тексты по фольклористике, прежде всего русской, публикуются многими издательствами и пользуются устойчивым читательским спросом. При этом не следует забывать, что издатели и публика — не единственные коллективные участники процесса «фольклорного просвещения». Самостоятельным и полноценным звеном здесь выступает автор-эксперт, роль которого в условиях современной конкуренции за внимание аудитории приобретает особое значение. От автора требуется рассказывать о фольклоре не просто содержательно, а доступно и увлекательно, чтобы его текст просвещал и развлекал, порождал новое знание и при этом не давал заскучать неподготовленному читателю. Кроме того, сегодняшний популяризатор вынужден примерять на себя в массовой культуре и медиасреде сразу несколько профессиональных и социальных ролей: писателя-«текстовика», рассказчика в подкастах и видео, лектора, комментатора, интерпретатора и даже актера — оставаясь при этом человеком науки. Насколько легко дается академическим исследователям это совмещение разных ролей, какие трудности возникают в процессе, как они преодолеваются и как в целом авторы оценивают свой опыт в сфере «фольклорного просвещения» — об этом мы поговорили с представителями академического сообщества, известными также своими научно-популярными работами.

Настоящая статья продолжает разговор о внеакадемической деятельности антропологов, этнографов и фольклористов, начатый в предыдущем номере журнала форумом, посвященным антропологическим телеграм-каналам (*Алексеевский и др., 2025*), и выполнена в том же формате. Вопросы авторам сгруппированы в тематические блоки, а ответы на них — откровенные и не всегда комплиментарные для других участников «фольклорного просвещения» (издателей и читателей) — раскрывают, как кажется, многие тонкости нынешнего производства «поп-фольклора» и дают немало поводов к рефлексии о производстве, распространении и качестве коллективного знания в эпоху господства массовой культуры.

Кирилл Королев

¹ См. в готовящейся статье: *Королев К. М.* Коммерческий издатель и фольклорный текст: современные издательские стратегии в массовой культуре // *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2026.

Участники форума:

Кирилл Королев — автор научно-популярных книг «Нечистая сила: темные духи русского фольклора» (М.: КоЛибри, 2024), «Богатыри земли Русской» (М.: КоЛибри, 2024), «Современное язычество: люди, история, мифология» (СПб.: Азбука, 2025), «От Лукоморья до Буяна. Атлас русской фольклорной географии» (М.: КоЛибри, 2026) и других;

Наталья Петрова — автор научно-популярных книг «Страшный, таинственный, разный Новый год» (М.: МИФ, 2023, вместе с Н. Рычковой); «Мифы народов России для детей» (М.: МИФ, 2024), «Славянские мифы» (М.: РОСМЭН, 2026);

Надежда Рычкова — автор научно-популярных книг «Страшный, таинственный, разный Новый год» (М.: МИФ, 2023, вместе с Н. Петровой), «Русские праздники и традиции» (М.: МИФ, 2025), «Русская Масленица» (М.: МИФ, 2026, вместе с В. Комаровой);

Дарья Трынкина — автор научно-популярных книг «Японская демонология» (М.: Ломоносовъ, 2021), «Культура екай» (М.: Альма Матер, 2024);

Герман Устьянцев — автор научно-популярной книги «Демонология Урала и Поволжья. Зловредные чуды, духи-кереметы и банный староста» (М.: Бомбора, 2025);

Ольга Христофорова — автор научно-популярных книг «Мифы северных народов России» (М.: МИФ, 2023, 2-е изд., испр. и доп. 2025), «Шаманы северных народов России» (М.: МИФ, 2025).

— Как Вы пришли к написанию фольклорного научпопа?

— Вами двигало скорее собственное желание или внешний запрос?

— Кем Вы воспринимаете себя в роли автора популярной книги в первую очередь — писателем, ученым или журналистом?

— Что, на Ваш взгляд, важнее для автора научно-популярной книги: глубокие знания и научная специализация по теме или литературные навыки и умение излагать материал доступным языком?

— Необходимо ли автору подтверждать свою экспертность в глазах широкой аудитории через другие медиа, не только через книги?

— Если текущая издательская политика завтра вдруг поменяется и окажется, что фольклор перестал быть востребованным, продолжите ли Вы свою деятельность в качестве автора фольклорного научпопа (возможно, через другие медиа)?

Кирилл Королев

Мой путь в научпоп получился двояким, если угодно. После окончания первого института (будущего РГГУ), в «лихие 90-е», передо мной встал выбор: полуголодная аспирантура и дальнейшая научная карьера — тоже сомнительная с точки зрения «нормальной» жизни, или гарантированный кусок хлеба в коммерции, а именно в издательском бизнесе. Тогда я выбрал второе и в итоге отдал коммерции два с лишним десятка лет — не только как издатель, но и как переводчик, и как автор. Писать и рассказывать хотелось с детства. И с детства же оформился интерес к мифологии и «сверхъестественной» стороне фольклора, так что в те самые 90-е, когда возник спрос на всякую «чертовщину», а на наш книжный рынок хлынуло переводное фэнтези, мне показалось удачной идеей предложить знакомому издателю нечто вроде справочника по «мифическим существам», которые встречались в переводах. Так родилась первая книга, за которой последовали и другие. Науку при этом я окончательно не забрасывал, опирался на научные исследования коллег, когда готовил свои тексты, но полноценно вернуться к ней получилось уже гораздо позже. Сейчас, конечно, я смотрю на свои ранние работы довольно скептически, однако нельзя сказать, что они откровенно слабы: чувствуется, безусловно, недостаток собственного исследовательского поля, хотя и греет мысль, что эти тексты с их немалыми тиражами (около 40–50 тыс. экземпляров в совокупности) были среди первых опытов постсоветского фольклорного научпопа. Сегодня я пишу иначе по содержанию, но ранние сочинения научили, смею надеяться, нужному тону и правилам «упаковки» материала в книгу. Между «бойким пером» и научной специализацией выбор, как мне кажется, прост: автор научпопа должен, во-первых, иметь не поверхностное, а хотя бы углубленное представление о той области знаний, которую раскрывает для читателя его текст, причем представление актуальное, не полувековой давности; во-вторых, должен соблюдать научную добросовестность, ни в коем случае не увлекаться «альтернативными» теориями — их, как мы знаем, в поп-фольклоре предостаточно — и не позволять собственным убеждениям брать верх над академической беспристрастностью. Зачем множить ложные сущности коллективного знания, которых и без того хватает? Со стилистикой же, если человеку не дано писать «на потребу публике», поможет литературный редактор — точно знаю, что вопреки всем причитаниям по поводу вымирания этой профессии, такие люди в издательствах еще есть.

В моих ближайших планах на несколько лет вперед — не одна научно-популярная книга, даже при том, что нынешняя медиасреда диктует не столько текстовое, сколько аудиальное и визуальное потребление. Вместе с издателями мы экспериментируем с разными формами репрезентации текста и, думаю, сумеем добиться результатов, полезных для всех — для читателя, зрителя, слушателя, коммерции и автора.

Наталья Петрова

Моя первая и последующие книги начались с предложений со стороны издательств или потенциального соавтора. То есть для меня фольклорный научпоп — это внешний запрос, к которому возник внутренний отклик. В его основе — восприятие себя как «переводчика» с точного, но часто «нечитабельного» языка науки на формат, более понятный массовому читателю.

Королев К.М., Петрова Н.С., Рычкова Н.Н., Трыкина Д.А., Устьянцев Г.Ю., Христофорова О.Б.
«Фольк-просвет»: научно-популярная литература о фольклоре в оценках авторов-ученых

Понимаю автора фольклорного научпопа как медиатора между научными знаниями и любопытством широкой аудитории к темам фольклора и мифологии. В принципе, этим объясняется и мое участие в других способах популяризации фольклористики (публичные лекции, комментарии СМИ). И здесь есть прямая связь с основной сферой деятельности — вузовским преподаванием. Все эти форматы мне кажутся объединенными общей идеей трансляции сложных смыслов более простыми словами. И, если не смущаться излишней патетикой, то и социальное значение всех этих действий очень близкое (просвещение). Поэтому могу сказать, что в любом случае буду продолжать свою деятельность как автора фольклорного научпопа в том или ином виде.

По моим ощущениям, более продуктивно в научно-популярную литературу конвертируется не столько академическое знание как таковое, сколько уже имеющийся опыт его трансляции в процессе преподавания (в частности, подготовка и чтение лекций разным, часто непрофессиональным, аудиториям).

Надежда Рычкова

Все произошло случайно. В мае 2022 г. мне написала шеф-редактор направления «Культура» издательства «Манн, Иванов и Фербер» и предложила выпустить книгу о новогодних и рождественских традициях. Узнала она обо мне, послушав эфир на «Маяке» о символах Нового года. Сегодня просветительскую деятельность так или иначе ведут многие ученые: нас регулярно зовут на телевидение и радио рассказать про фольклор в широком смысле. Это наша реклама. Менеджер проекта может послушать, о чем ты говоришь, как ты говоришь, понять, подходит ли человек для проекта, куда его можно позвать: писать книгу, читать лекцию, сопровождать фильм.

Я не считаю себя писателем — в аннотациях к книгам указываю: «автор научно-популярных книг». И когда организаторы мероприятий называют меня писателем, включается синдром самозванца. Для меня писатель — это прежде всего создатель художественной литературы. Я исследователь, который научился рассказывать о своих открытиях не только специалистам, но и широкой аудитории.

Для меня специализация автора важнее его литературных умений. Тут вопрос даже не в узких темах, а в науке в целом. Если человек профессиональный фольклорист (этнограф или антрополог), который написал диссертацию, допустим, о свадьбе, но его научно-популярная книга о похоронах — можно брать. А если автор — искусствовед и никогда не бывал в поле, пишет книгу про славянскую магию? Тут должна быть тонкая работа издательства — по-хорошему, оно должно указывать в аннотации, какие материалы использованы в книге: исторический это экскурс или полевые записи. Но издание книг — это прежде всего бизнес. Продать книгу помогает название — делают его максимально кликейтным. А за этим — «не самая настоящая история магии» или, как минимум, «неполная». Все что касается фольклора, на мой взгляд, должно быть написано полевым исследователем. Не был в поле — не можешь писать на эту тему. Причем поле необязательно должно быть «классическим», то есть деревенским. Исследования можно проводить в городе или даже в интернете. Но именно наблюдение за фольклорной или постфольклорной традицией позволит понять, как она функционирует.

Литературные навыки без полевого опыта и научной базы — всего лишь упаковка, за которой может не быть содержимого. А вот хорошая специализация при редакторском участии даст хорошую книгу. Поэтому для меня важнее — быть экспертом.

Вообще, если автор берется писать книгу — он уже должен быть экспертом. В идеальной картине мира издательства должны приглашать к сотрудничеству только экспертов. Как правило, авторы-эксперты появляются сразу в нескольких медиа. Привлечение так и работает: засветился в одном медийном проекте — и тебя зовут во второй, третий, четвертый. Но нельзя исключать сознательный отказ от любой медийности — это нормальное решение, если учитывать, как многие журналисты обходятся с материалом.

Я буду писать о фольклоре всегда — формат для меня совершенно важен. Если не будут интересны популярные тексты, сосредоточусь на научных. У меня нет цели подстраиваться под вкусы общества — браться за популярные книги не своего, но трендового направления точно не стану.

Дарья Трынкина

Честно говоря, непосредственной причиной обратиться к научно-популярному жанру для меня стал Сергей Александрович Арутюнов. Когда я только устраивалась в институт, наши разговоры с ним постоянно заканчивались тем, что мне нужно издать мой диплом. Идея издать диплом меня смущала, но научный руководитель был неумолим, да и у меня, честно признаться, болела душа за этот текст: я писала диплом с большой любовью, и резкая смена темы для диссертации оставила ощущение, что этот кусок жизни повис в воздухе. Я решила тогда, что мечты юности нужно воплощать. С большим скептицизмом перечитав свою рукопись и вычеркнув все упоминания Леви-Брюля (теперь никто не догадается, что он там был), отправила ее в издательство, которое мне очень нравилось. Мне повезло (неслышанно, как я уже потом поняла): у издательства как раз освободился слот и книгу достаточно быстро издали. Однако еще до выбора издательства мне уже было понятно, что студенческий диплом никак не тянет на серьезное научное исследование. А вот для научно-популярного издания — вполне! Отсюда, собственно, и выбор жанра, и платформы для публикации.

Кстати, об актуальности. Когда я защищала свой диплом, а это было пятнадцать лет назад, тема ёкай в России была не слишком популярна и никому особенно не интересна. За эти годы все сильно изменилось: появились книги и отечественных авторов, и переводные, и даже на русском языке вышла энциклопедия ёкай Торияма Сэкиэна XVIII века. Сейчас эта тема резко стала актуальной. Однако мне всегда казалось, что заниматься нужно тем, к чему лежит сердце, поэтому даже если ситуация изменится снова, я просто буду делать то, что приносит мне радость. Потому что денег это не приносит в любом случае.

Герман Устьянцев

Фольклорным научпопом интересовался с детства, с начальной школы, наверное. Сначала увлекался древневосточными сюжетами и античной мифо-

логией, затем скандинавской. Потом читал книги о фольклорных традициях славян, финно-угров, народов Сибири, а также различные энциклопедии. Это было начало нулевых. Интерес СМИ и общественности ко всему загадочному, мистическому и мифологическому был очень высоким. У меня была серия книг в красивых светлых суперобложках издательства «Эксмо»: «Русская мифология», «Кельтская мифология» и другие. Помню, большое впечатление на меня произвела работа «Мифы финно-угров» В.Я. Петрухина. В университете я выбрал историческую специализацию, связанную с изучением этнических традиций. Тогда же начались полевые экспедиции, и там снова фольклор — сегодняшний, актуальный. Информанты неизбежно начинали рассказывать нарративы о колдовстве, «нехороших местах». Наконец, уже совсем взрослым, я начал активно читать отечественных семиотиков и получил образование в магистратуре Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ. Таким образом, фольклорно-мифологическая тематика как будто сопровождала меня достаточно долго. Неожиданно поступило предложение от издательства «Бомбора» написать книгу про демонологию Урало-Поволжья. Так я попробовал себя в научно-популярном жанре — поводом стал внешний запрос.

Работая над научно-популярным текстом, я осознаю себя скорее писателем. Ученым, возможно, тоже себя считаю, но это уже вторично. Для себя я разделяю эти компетенции: написание научно-исследовательской работы и популярного текста. Часто сталкивался с мнением, что литературные навыки и понятный литературный язык — это самое главное в научно-популярной работе. Я думаю, что это не так. Современный читатель имеет доступ к огромному количеству источников, посвященных этническим традициям. Многие потребители научпопа глубоко вовлечены в мифологическую тематику. Покупая книгу, они ждут не только увлекательное повествование, но и научную интерпретацию. Читателям важны экспертные мнения и теоретические обобщения — их можно и нужно знакомить с некоторыми концепциями. Важно при этом, разумеется, соблюдать законы жанра, использовать доступный язык описания, уметь писать просто о сложном. Это помогает читающим по-новому осмыслить уже часто знакомый фольклорно-мифологический материал.

Публичные выступления автора важны, но, как мне кажется, не с точки зрения доказательства его экспертности. Во-первых, участие в подкастах и публикации в интернет-медиа помогают в продвижении книги. Во-вторых, некоторым читателям интересна «внутренняя кухня»: история создания книги и личное отношение автора к описываемым феноменам.

Если популярность фольклорного научпопа сойдет на нет, как и интерес издателей к этой теме, не уверен, что буду в дальнейшем реализовываться в этой сфере. Возможно, смогу интегрировать полученные опыт и знания в исследовательскую деятельность. Область моих этнографических интересов тесно связана с мифологией финно-угорских народов — буду продолжать работать в этом ключе. Сейчас спросом пользуются интернет-ресурсы, посвященные популяризации фольклорных традиций: демонологии, эпоса, городских легенд и пр. Честно говоря, не являюсь активным потребителем научно-популярного контента в сети (что не очень хорошо) и не вижу себя его автором. Не исключаю при этом, что в будущем что-то изменится.

Ольга Христофорова

Честно говоря, я никогда не выступала инициатором научно-популярных проектов, в которых участвовала (лектории на «Постнауке» и «Арзамасе», отдельные лекции для детей и взрослых, публикации в СМИ и т.п.). И с книгами тоже инициатива исходила не от меня. Ко мне обратилось издательство с предложением написать книгу на тему мифологии народов Сибири. Подумав, я согласилась — у меня были научные тексты на эту тему, в том числе кандидатская диссертация, и мне было интересно рассказать широкому кругу читателей об этих наработках, популяризовать свои идеи, поделиться интересными фактами и историями. С другими книгами было так же (опубликованы две, еще две находятся в процессе подготовки) — с предложениями выступило издательство. Причем со стороны издательства наблюдался своего рода «шантаж» — когда я отказывалась, мне говорили, что тогда передадут эту тему другому. И мне становилось страшно, что этот «кто-то другой» напишет слабую книгу на близкую мне тему — и приходилось соглашаться.

Воспринимаю себя, безусловно, ученым-популяризатором. Мой способ письма во многом основан на тридцатилетнем опыте университетского преподавателя: знание материала, умение логично структурировать его и интересно излагать. Уверена, что для автора научно-популярной книги важнее всего научная специализация и глубокие знания, которые приобретаются не за один год. Литературные навыки и умение излагать материал доступным языком тоже важны, но это все же вторично.

— Поток научпопа сегодня чрезвычайно велик. Насколько заметна в этом потоке фольклорная составляющая?

— Есть ли у нее, по Вашему мнению, собственная ниша?

— Сегодняшнему росту читательского интереса к фольклору и мифологии (и соответствующей издательской активности) предшествовал аналогичный подъем середины 2000-х, а еще раньше — 1990-х годов. Можно ли считать эти волны частью одного процесса, и в чем, на Ваш взгляд, специфика современной ситуации?

— Каково общее отношение к просветительской и популяризаторской деятельности в академической среде и воздействует ли оно на Вас?

— Воспринимаете ли Вы коллег, которые трудятся в том же популяризаторском поле, как конкурентов или как соратников?

Кирилл Королев

На мой взгляд, нынешний интерес к фольклору, во-первых, несомненен, а во-вторых, определяется, скорее, желанием «укорениться», припасть к культурному наследию. То есть, это интерес скорее к наследию, чем к собственно фольклору. Можно сказать, это в какой-то мере следствие политики памяти, проводимой в стране с середины 2000-х годов, а в какой-то мере — попытка, возможно, неосознаваемая, этнической и гражданской самоидентификации. Вопросы, которые задают мне в последние годы на встречах с читателями,

Королев К.М., Петрова Н.С., Рычкова Н.Н., Трыкина Д.А., Устьянцев Г.Ю., Христофорова О.Б.
«Фольк-просвет»: научно-популярная литература о фольклоре в оценках авторов-ученых

вполне подтверждают этот вывод: люди расспрашивают о «предках», пытаются совмещать картины мира в прошлом и настоящем, и больше их занимает мировоззрение вообще, а не «чертовщина», как было в 90-х годах.

Что касается академического снобизма, он, по-моему, у части научного сообщества присутствует, чего греха таить. «Мы тут важным делом занимаемся, еще не хватало время впустую тратить на всякую писанину для...» (далее — сами подставьте, для кого, — в меру своей испорченности). Но вот в какой степени это отношение к «простецам» диктуется именно кастовым высокомерием, а в какой — общей загруженностью научного работника — вопрос неоднозначный. Думаю, все зависит от конкретной персоны: если тебе есть что сказать широкой публике, и ты хочешь это сказать, то сам будешь искать возможности высказаться.

Конкурируют издатели, а не авторы. Ученые-популяризаторы — мы же говорим о добросовестных ученых, правильно? — разумеется, соратники в непростом деле просвещения. Испытываю удовольствие, когда вижу новый текст от коллеги с крепкой научной репутацией, и досаду порой на издательскую неразборчивость, когда в одной и той же серии оказываются такие книги и сочинения «сомнительных» авторов, хотя, сам имея за спиной многолетний издательский опыт, хорошо издателей понимаю. Мы радеем за истину, как бы громко это ни звучало, а они — за копеечку.

Наталья Петрова

Изнутри околорепертуаристической среды рост интереса к фольклору и мифологии в последние годы представляется безусловно заметным и значительным. Однако в общении с представителями других дисциплин (история, реставрационное дело) мне приходилось сталкиваться с их удивлением, когда речь заходила о «моде на фольклор».

Мне сложно по объективным критериям сравнивать нынешнюю волну интереса к фольклору с предшествующими, поскольку тогда я еще не была участницей и даже потребительницей фольклорного научпопа. Но есть ощущение, что нынешние профессиональные фольклористы гораздо активнее вовлечены в процесс написания научно-популярной литературы, чем наши старшие коллеги в свое время.

Ответ на вопрос о мотивации своего участия в фольклорном научпопе я выработала в дискуссиях со скептически настроенными академическими коллегами. «Тебе не стыдно с этим связываться?» — иногда спрашивают те, для кого чисто научные публикации (статьи или монографии) безусловно приоритетнее книг для детей. Также у некоторых есть сомнения по поводу потенциальных репутационных рисков: в одной издательской серии могут выпускаться, а потом лежать на одном стенде в книжном магазине или на выставке, как книги авторов из академической среды, так и «просто» литераторов, иногда допускающих в своих ярких и живых текстах грубые фактические ляпы. В рабочих чатах временами появляются фотографии из серии: «Смотрите, рядом с чем лежит ваша книга на non/fiction!». В таких кулуарных словесных баталиях мне ближе позиция тех коллег, кто считает: «Если мы не напишем эти научно-популярные книжки про мифы, это сделают другие,

и не факт, что хорошо». Тут, конечно, проявляется немного охранительная риторика и метафора ученого-автора научпопа как защитника научного знания о фольклоре от посягательств со стороны непрофессионалов. Но какая-то доля истины здесь, мне кажется, есть.

Конкуренция с коллегами в сфере научпопа во многом нивелируется наличием разных экспертных специализаций: фольклористы обычно занимаются различными жанрами и региональными традициями. Книга по финно-угорской мифологии едва ли может рассматриваться как конкурент книге о мифах сибирских народов. Скорее радуют имена коллег, знакомые лично или по конференциям и публикациям: их можно воспринимать как своеобразный «знак качества» и критерий выбора таких книг для личной библиотеки.

Надежда Рычкова

Огромное количество литературы по фольклору и дискуссии по поводу ее качества приводят к тому, что читатели задаются вопросом: «Что нужно читать, а что нет?» На публичных встречах всегда просят рекомендаций. Лично меня беспокоит, когда в одном ряду стоят: Александр Афанасьев, Борис Рыбаков, Татьяна Агапкина, Марина Голубева. Иными словами, неспециалисту трудно разобраться, кому из авторов можно доверять и как правильно читать ученых XIX века в XXI веке. На мой взгляд, людям нужно сопровождение на этом крайне насыщенном рынке. Такая ситуация обнажает проблему научно-популярной литературы: в ней нет обязательного раздела с анализом предшествующих работ. А ведь такой раздел помог бы читателю сориентироваться и разобраться, как изучали ту или иную тему, что автор думает по этому поводу и что нового он расскажет в книге. Есть и другой способ сориентировать читателя — дать в конце книги список рекомендованной литературы.

Мне сложно рассуждать о сходстве и различии читательского интереса в разные периоды — специально я этим не занималась. Я участвую только в современной ситуации. Но как наблюдатель могу сказать: сегодня количество выпущенных наименований в разы превышает то, что издавалось в 1990-е или 2000-е годы. Главная же особенность современного момента, на мой взгляд, в другом: к созданию книг приступают не эксперты. Складывается впечатление, что издатели и сами авторы со стороны считают фольклористику простой наукой — ну, не физика же. Любой грамотный человек, рассуждают они, может пересказать собранные другими коллегами былички о домовом. Я не могу себе представить, что я или мои коллеги вдруг написали бы книгу об истории анимации или истории фотографии, не имея за плечами научных публикаций, многолетних изысканий и выступлений на конференциях. Это и есть специфика сегодняшней ситуации. И она беспокоит академическое сообщество.

Мои научные коллеги — всегда коллеги, никогда не конкуренты. Мы вместе работаем над тем, чтобы научно доказанные факты перевешивали устаревшие и развенчанные теории — в любом контексте, популярном или научном. Что касается других авторов научпопа по фольклору, в том числе тех, кого я считаю не экспертами... Я не вижу в них ни конкурентов, ни соратников. Конкурент — это тот, кто соревнуется со мной в одном деле, на одном поле.

Королев К.М., Петрова Н.С., Рычкова Н.Н., Трыкина Д.А., Устьянцев Г.Ю., Христофорова О.Б.
«Фольк-просвет»: научно-популярная литература о фольклоре в оценках авторов-ученых

А когда кто-то штампуем ошибки, не имея базовой подготовки, он со мной не соревнуется — мы просто находимся в разных системах координат. Поэтому я спокойно «ругаю» книги издательства, которое печатает и меня, если они плохи. И не чувствую никакой цеховой солидарности. Соратниками я могу назвать только тех, кто, как и я, пытается донести до читателя проверенное знание — независимо от того, в каком издательстве выходят их книги. А с остальными у меня просто нет общего дела.

Дарья Трынкина

Расцвет интереса к мифологии и фольклору в 1990-х годах и сейчас, на мой взгляд, совпадает с одновременно возросшим интересом к магии и эзотерике. Во времена турбулентности и отсутствия контроля за происходящим люди стремятся обрести его через обращение к магическим практикам, так как другие инструменты контроля не работают, а магия хотя бы создает его иллюзию. Точно так же и возросший интерес к мифологии непосредственно связан с поиском альтернативного взгляда на происходящее. Тот самый воображаемый конструкт «магического мышления» — будь он неладен. Он выражается в переключении восприятия с парадигмы рациональности, которая распространена в западной науке с XVIII века, на парадигму, где иррациональное и сверхъестественное (якобы) выступают непосредственными акторами.

Более того, здесь вступает в силу критерий «аутентичности»: если в случае с произведениями в стиле фэнтези мы просто говорим об эскапизме, то сборники по мифологии воспринимаются как нечто настоящее — как то, во что некие далекие другие люди действительно верят. Это, с одной стороны, разумеется, попытка посмотреть на тот же мир глазами «других» (практически по Брониславу Малиновскому), чаще всего воображаемых людей: любая научно-популярная книга по мифологии — это не картина мира непосредственно народа с обложки, а представление об их картине мира западного читателя. Эта самая картина мира, которая представлена в научно-популярных книгах о мифологии — чаще всего смешение эпох, разных типов источников и представлений людей абсолютно разных классов и сословий. Это такая картина мира, которой никогда не существовало в реальности — буквально «миф» по Эдварду Тайлору: прошлое, которое никогда не было настоящим.

Тут вступает в силу определенного рода порочный круг: заявленная вроде бы как объективная картина мира, которую ожидает увидеть читатель, и ожидает опубликовать издатель, и, разумеется, которую представит им автор (возможно, после нескольких редактур), на деле оказывается тем самым ориенталистским конструктом, о котором писал Эдвард Саид. Однако ее воображаемый характер ничуть не влияет на ее эффект — это все еще альтернативный взгляд на мир, в котором боги существуют и магия возможна. Мир, который позволяет отвлечься, поверить в чудо и разбудить воображение. И с этим сборники по мифологии справляются отлично. Еще они отлично справляются с распространением разных стереотипов о народах, например, что японцы всё еще верят в лис-оборотней, но эта участь ожидает любое научно-популярное произведение об отдельном народе.

Герман Устьянцев

Думаю, складывается интересная ситуация, в которой «предложение рождает спрос»: читатель может выбрать книгу по достаточно узкой проблематике или купить несколько разных изданий по одной теме и сравнить их. Часто фольклорный научпоп, как я заметил, покупают не только для чтения, но и для коллекционирования или в подарок.

Мне кажется, популярность научпопа о мифологии в 2000-х отличается от современного периода в 2020-х годах. По моим воспоминаниям, в нулевых годах в центре читательского и издательского интереса было несколько традиций: античная, скандинавская, кельтская, китайская, индийская, японская и мифология Древнего Востока. Много писали о славянском фольклоре. В настоящее время для читателя открыто большее региональное разнообразие — возрос интерес к мифологиям народов России. Например, выходят и охотно раскупаются отдельные издания о чувашском и татарском фольклоре, о мифологии народов коми, а также книги, посвященные не отдельным народам, а целым регионам. Есть множество изданий о конкретных персонажах в мировой культуре. Помимо интереса к локальным традициям, как мне кажется, у читателя возникла потребность в аргументированном и экспертном знании: появилось представление о научных фальсификациях. В нулевые этому уделялось меньше внимания, но, возможно, я ошибаюсь. Сейчас можно найти много информации в интернете и перепроверить факты.

Среди окружающих меня коллег-этнологов научно-популярный жанр воспринимается с интересом и в целом положительно. Многие отмечают важность популяризации фольклора. Легкий эпизодический скепсис относительно моей книги, с которым я сталкивался, был связан скорее с ее демонической тематикой, а не жанровой принадлежностью.

Не считаю других авторов фольклорного научпопа ни конкурентами, ни соратниками. У меня нет ощущения такой цеховой идентичности. Некоторых коллег воспринимаю как учителей. А отдельные авторы и в самом деле ими являются: читаю их книги, нахожу вдохновение и открываю для себя что-то новое.

Ольга Христофорова

В последние годы заметно возрос интерес к фольклору и мифологии как у читателей, так и у издателей (влияние идет в обе стороны), хотя еще не так давно преобладали другие научные направления — биология, антропология, история, психология. У повышенного внимания к фольклору своя стезя, как мне видится, — это не просто интерес к науке, даже наоборот, это интерес не к науке, а к «культуре предков», своим «корням» или к «древнему знанию» других народов. В 1990-е годы, как кажется, было несколько по-другому — общество хотело получить то, что от него долгое время скрывали: стихи Николая Гумилёва и Осипа Мандельштама, прозу Даниила Андреева и Михаила Булгакова или фольклорные публикации, будь то тексты старых фольклористов или русский эротический фольклор. Волна середины 2000-х, возможно, ближе к нынешней и отчасти связана с ростом националистических настроений в обществе; отсюда и повышенное внимание к русскому фольклору, обрядам и традициям.

Королев К.М., Петрова Н.С., Рычкова Н.Н., Трыкина Д.А., Устьянцев Г.Ю., Христофорова О.Б.
«Фольк-просвет»: научно-популярная литература о фольклоре в оценках авторов-ученых

Вместе с тем отношение к просветительской и популяризаторской деятельности в моей академической среде скорее позитивное, но только при условии, что в роли экспертов выступают признанные ученые и они не выходят за рамки своей научной области. Если книгу пишет или лекцию читает вчерашний выпускник бакалавриата или человек, далёкий от науки, с нарушением базовых правил научной публикации (корректные ссылки на источники, знание историографии, выстроенная концептуальная рамка), то такие работы воспринимаются крайне негативно, и основным объектом критики со стороны коллег выступают прежде всего неразборчивые издатели.

Коллеги, которые трудятся в том же популяризаторском поле, для меня, безусловно, соратники. А вот авторы с несуществующей экспертностью, особенно «влезające» на мою «территорию», воспринимаются не столько как конкуренты, сколько как люди, компрометирующие важное дело популяризации и заодно институт экспертов.

— **Какие задачи при работе над текстом Вы ставите сами для себя, а какие ставит издатель, и насколько они пересекаются?**

— **Охарактеризуйте Ваш опыт взаимодействия с издателем. Насколько оно оказалось конструктивным, сложным или конфликтным?**

— **В чем основные точки напряжения?**

— **Есть ли непримиримые противоречия?**

— **В чем чаще всего приходится идти на компромиссы?**

— **Насколько субъектен сам издатель?**

— **Насколько он подчиняется «общественным вкусам» и запросам?**

— **Насколько важна для него, по Вашей оценке, авторская экспертиза?**

— **Можно ли сказать, что благодаря автору и издателю популярный фольклор в наши дни превращается в самостоятельное культурное поле?**

Кирилл Королев

Сошлюсь, опять-таки, на двойную оптику — издательскую и научную, которая у меня присутствует и избавляться от нее я совершенно не намерен: она немало помогает выстраивать отношения с современными издателями. Скажем, я неплохо понимаю логику издателя: подбор названий, оформление обложек и текстов для них, что позволяет во многих случаях столкновения интересов находить более или менее удачные компромиссы. А столкновения — да, бывают: например, недавно издатель захотел убрать с обложки слово «фольклорный», потому что «фольклор не продается» (это любимая издательская присказка еще с 1990-х годов). Но все же мы сумели договориться, и слово на букву «ф» на обложке осталось.

По тем же причинам, по собственной издательской «генеалогии», мне довольно просто следовать установкам на «облегчение» научно-популярного текста и по возможности отказываться от сносок и примечаний. Они действительно затрудняют чтение, а в книгах, рассчитанных на неподготовленную, а тем более на молодежную аудиторию, такой аппарат вряд ли нужен. Вместо ссылок можно поиграть с оформлением: делать примечания «выключками» и врезками в основной текст, выделяя их графически; это, кстати, позволяет отвлечь читателя от основного изложения и привлечь внимание к каким-либо забавным или важным подробностям, напрямую с текстом не связанным. А вот от списка литературы в конце я отказываться не готов. Разве что стараюсь ограничить его источниками и монографиями, без статей, чтобы не пугать издателя. Как правило, такой подход принимается.

В целом же фигура автора в современном «фолк-просвещении» двойственна: издатель вроде бы ищет эксперта по той или иной теме, но оценивает кандидатов по своим меркам, зачастую несовпадающим с мерками научного сообщества. Поэтому и получается, что в эксперты по воле издателя — а имя на обложке по-прежнему служит для публики признаком и подтверждением авторской экспертности — назначаются люди, скажем так, не близкие к науке. Эта проблема характерна для современной культуры в целом. Достаточно вспомнить многочисленных экспертов на радио и ТВ, рассуждающих о «культурном коде» и прочих эфемерных сущностях.

Поп-фольклор как самостоятельное культурное поле? Скорее да, чем нет! Но я бы не сводил все к печатным текстам, а смотрел бы на ситуацию шире: нужно учитывать прочие медийные репрезентации фольклора, народные праздники и формы их проведения, всевозможные краеведческие и квазикраеведческие музеи (вроде музеев сказок, суеверий, знахарства и т.п.), туристический «фольклорный» брендинг, актуальные коллективные представления о «фольклорном» и «народном», работу памяти и работу с памятью... Это все и складывается в поп-фольклор.

Наталья Петрова

У меня есть опыт взаимодействия с несколькими издательствами. У каждого, конечно, есть своя специфика (равно как и у разных редакторов одного издательства), но я сосредоточусь на некоторых универсальных моментах.

Основная задача — создать книгу, которую будут читать и, соответственно покупать, — у автора и издателя совпадает. При этом обе эти роли балансируют между субъектностью и необходимостью соответствовать требованиям формата. Как у автора у меня есть свои любимые фольклорные традиции, темы, персонажи и сюжеты, но не все они могут заинтересовать потенциального издателя. Скажем, я пока не представляю изложения в научно-популярном формате своих исследований по фольклору и этнографии ГУ-ЛАГа. Отдельный редактор также руководствуется не столько личными симпатиями или собственным интересом к какой-то фольклорной теме, сколько стремлением попасть в запросы потенциальных читателей или других интересантов. Например, однажды мне предложили подумать о включении в книгу раздела о семейных отношениях и любви, поскольку 2024 год был объявлен Годом семьи. Книга была, с одной стороны, о мифологии, с другой — ориен-

тирована на детскую аудиторию. Я была вынуждена отказаться от этой идеи, поскольку встречающиеся в мифологических источниках сюжеты насилия или инцеста не подходили под возрастные ограничения издания.

Другой пример, когда я как автор отказалась удовлетворить запрос издателя — это просьба дать для всех упоминаемых мифов «хотя бы примерную информацию о времени их возникновения». Пришлось объяснить, что вопрос точных датировок для фольклорно-мифологических текстов не релевантен.

Отдельная проблемная тема — цитирование и его оформление. Редакторы объясняют, что постраничные сноски «утяжеляют» чтение, а библиографию в конце книги нужно сократить до «только ключевых работ», потому что читатель не захочет платить за четыре страницы списка литературы. В одной из книг компромиссом стал QR-код на полную библиографию. Также очень дискуссионными и иногда конфликтными могут быть иллюстрации: искажение этнографических реалий (орнамент из другой традиции), чрезмерная экзотизация и «удревнение», игнорирование визуальных референсов от автора.

Надежда Рычкова

Начну с простого — с издателя, для которого каждая книга — это деньги. Поэтому здесь я могу сказать только очевидные вещи: главное, чтобы книга понравилась читателям, как можно большему количеству читателей. Моя же цель — не обмануть, рассказать историю так, как я бы рассказывала ее научному сообществу: собрать как можно больше фактов, проверить их, прийти до самой сути. Кроме того, хочется поделиться со всеми тем, что знаешь и от чего у тебя горят глаза. И, наконец, просветить — как бы пафосно это ни звучало. Например, объяснить, почему Масленица — не самый древний языческий праздник, а блин — не символ солнца.

Опыт взаимодействия с издательствами совершенно разный. С кем мне точно везло, так это с литературными редакторами — правки всегда минимальны и бережны. Все трудности, которые возникали, скорее касаются не самого издательства, а законов. С одной стороны, юридических, с другой — маркетинговых. К примеру, в нашей с Верой Комаровой книге о Масленице в главе «Проводы русской зимы», которая рассказывает, как в советское время переосмыслили и «возродили» старый праздник, нет ни одной фотографии тех лет. Хотя у нас полно экспедиционных фото, которые мы переснимали из альбомов наших информантов — с их согласия, конечно. Но закон об авторском праве говорит, что этого недостаточно — их разрешение не покрывает коммерческое использование. И для взыскательного читателя это выглядит как недоработка и влияет на восприятие книги.

Вторая проблема — возрастная маркировка. В масленичном фольклоре довольно много ненормативной лексики. Но включить такие примеры — значит поставить на книгу 18+, запаковать ее в пленку и лишиться стандартных каналов продвижения.

То же с детскими книгами. Недавно я сдала рукопись с рабочим названием «Все про Новый год», в которой собрала детские вопросы о празднике и ответы на них. И один из них о традиции загадывать желание, писать его

на бумажке, сжигать и выпивать пепел — все это под бой часов. В дневниковых записях на сайте «Прожито» я нашла чудесные описания этой практики начала XX века. Но во всех дневниках упоминают алкоголь, неприемлемый для детской книги.

Самое долгое обсуждение вызвали упоминания кладбища и поминок в детской книге о праздниках. Издательство просило убрать все, что связано с похоронами. Аргумент — в детскую книгу не хотелось добавлять печальную тему. К счастью, мне удалось убедить редактора оставить все как есть. Во многих праздниках поминальная тема — одна из составных частей. Умолчать — значит показать неполную картину. Дети, кстати, к смерти относятся проще — тем более к такой книжной теме, которая их не касается.

В первой книге мы дискутировали по поводу ссылок на источники. В итоге нам удалось договориться только на сноски в цитатах. Однако постепенно редакция пришла к тому, что список литературы — это нормальный аппарат научно-популярной книги. Он демонстрирует, что все написанное — не авторская фантазия, а выводы, основанные как на собственном полевом опыте, так и на анализе большого количества исследований. Коллеги, в свою очередь, могут оценить, что автор учел, а что нет.

Субъектность издателя несомненна. Особенно в выборе названий книг. Тут мнение автора наименее значимо: у нас просто нет экспертизы в том, что будет продаваться, а что нет. Название, с одной стороны, должно цеплять, а с другой — не должно быть слишком замысловатым, чтобы выпадать в поисковых списках по теме.

Экспертность некоторых авторов, пишущих о фольклоре, у академического сообщества вызывает вопросы и обсуждения. Есть ряд авторов, которые в научной жизни не занимались фольклором, но написали уже несколько научно-популярных книг. Специализированные телеграм-каналы заметили это и каждую новую публикацию разбирают по косточкам. Мы с коллегами аккуратно сообщаем издательству о фактических ошибках. Но, кажется, это бесполезно — издательства зарабатывают деньги. Эксперты пишут долго, а компиляторы собирают тома с невероятной скоростью.

Почему так происходит? На мой взгляд, люди, для которых фольклористика не родная дисциплина, не страдают от того, что своими некачественными текстами засоряют в том числе и научный корпус. Создают иллюзию доступного знания. К сожалению, будущие студенты воспринимают эту литературу как настоящую, готовятся по ней к поступлению в вузы. Но это не аргумент для издательства — они считают, что выпускают книги для широкой аудитории и предлагают просто не читать их в научном сообществе.

Еще раз повторю, издание книг — это бизнес. Сегодня книги по фольклору на пике популярности, а значит и денег приносят немало. Поэтому у издательств есть соревновательный эффект — опубликовать то, чего нет у конкурентов и заполучить читателей. И в такие моменты скорость — решающий фактор: «Если не ты, то кто-то другой!» Ждать два года великого эксперта или выпустить книгу через три месяца? В ситуации ожесточенной конкуренции издательская деятельность подчиняется выражению: «Дорога ложка к обеду!»

В результате рождаются странные книги о фольклоре — развлекательное чтение без опоры на полевую работу и учета законов фольклорной традиции. Авторы не эксперты, возможно, даже не представляют, насколько важно это понимать не только писателю, но и читателю. Можно ли это назвать самостоятельным культурным полем? Скорее, параллельной реальностью, которая живет по своим законам и редко пересекается с академической наукой. И это тревожно.

Дарья Трынкина

Мой опыт взаимодействия с издательствами довольно занимателен, причем в каждом отдельном случае эта занимательность уникальна. Мою первую книгу издали очень быстро. Однако мне не прислали верстку, поэтому о выходе книги я узнала из паблика «Фаланстер», и уже потом в самой книге с интересом читала примечания об Аненербе, о которой, разумеется, в самом тексте ни слова не было. Полностью читать книгу, откровенно скажу, я побоюсь, поскольку она уже вышла и ничего в ней исправить нельзя. Но отзывы меня тогда немного успокоили.

Вторую книгу мне заказало маленькое и очень милое (как я тогда полагала) издательство. Мы очень хорошо общались, пили кофе на книжных ярмарках, обсуждали структуру книги и ее научных редакторов. Но после того, как я потратила год на написание текста (и еще примерно столько же он лежал у них) в ответ на мои настойчивые расспросы издатели сообщили, что решили отказаться от проекта, и я могу делать с рукописью что захочу. Вдохновленная подобной перспективой, я ошарашенно пыталась найти людей, которые снисходительно взглянут на этот текст. И мне повезло: издательство, в которое я обратилась по совету коллеги, приняло книгу сразу (и даже напечатало ее в срок!). Оплату, правда, мне выдали авторскими экземплярами книги — словно будущее уже наступило, человечество отказалось от денег и капитализма. Но это всё еще позитивный опыт.

Следующую книгу заказало издательство подростковой литературы. Мы обсудили концепт, я написала им пробный текст, мы обсудили мой гонорар и план книги. Я регулярно на протяжении года, отказываясь от другой работы, высылала им отдельные главы. Мы очень приятно и радостно общались с редактором, я дописывала и переделывала кусочки — это была чудесная совместная работа. И, внезапно, мне даже заплатили настоящие деньги. Однако книгу не издали. Она лежит в этом издательстве уже второй год, планов издавать ее у них нет, и возвращать текст они мне также не намерены: предложили выкупить права обратно и самостоятельно искать желающих ее опубликовать.

Сейчас я пишу четвертую книгу, и мне действительно интересно, как сложится ее судьба. Подозреваю, что совершенно неожиданно.

Любопытно, что у меня есть очень позитивный опыт издания научной монографии по моей диссертации. Этот опыт позитивен абсолютно во всем, включая работу с текстом редактора и корректора, выбор иллюстрации для обложки, общее форматирование и прочие приятные вещи, кроме того, что всё это происходило за мой счет и за счет денег тогдашнего гранта. И это вышло

настолько контрастно дорого по сравнению с изданием научно-популярных книг, что стимул издавать свои научные работы до сих пор ко мне не возвращается.

Герман Устьянцев

Задачей моей книги была популяризация низшей мифологии финно-угорских и тюркских народов Урало-Поволжья. Я хотел показать, насколько разнообразен этот мир, населенный страшными и по-своему обаятельными персонажами. Конечно, обобщив при этом региональную специфику демонологических представлений. Сложность заключалась в полиэтничности региона: нужно было продемонстрировать традиции разных народов.

На своем опыте считаю, что написание научно-популярной книги — это коллективный процесс. Команда редакторов сыграла весомую роль в упрощении текста и его адаптации для широко круга читателей. Помимо ответственного редактора, научного и литературного редакторов мне помогли привлеченные научные консультанты и специалисты по конкретным этническим традициям. Знаю по рассказам коллег, что опыт взаимодействия с редакцией может быть негативным, например, после правок меняется изначальный смысл текста. В моем случае такого не произошло — редактор дал полную свободу творчества. Это был интересный опыт командной работы. Конечно, не могу не отметить вклад художницы. Она работала, создавая по моим описаниям иллюстрации персонажей. Ее свежий взгляд человека «со стороны», не носителя традиции и не эксперта — показался мне очень интересным.

Непримиримых противоречий не было. Возможно, это связано с тем, что я достаточно легко иду на компромиссы. Единственное, я изначально представлял себе книгу более страшной — все-таки она про демонов. В процессе написания глав и обсуждения с редактором я понял, что текст не должен отпугивать читателей и вызывать неприятные ощущения. Эта идея исходила от редактора, и я с ней согласился. Единичные формулировки я правил, но на смысле текста это не отразилось.

Экспертность автора не всегда важна для издателя. Это связано с коммерческой составляющей издательского процесса: книга должна быть, в первую очередь, интересной и продаваемой. Принадлежность автора к научному цеху не гарантирует, что его научно-популярный труд получится увлекательным и востребованным. Наверное, многое зависит от задач конкретного издателя.

Полагаю, что сотворчество автора и издателя действительно приводит к появлению нового феномена — популярного фольклора. Это культура повествования о мифах и обрядах в широком этнографическом контексте, с учетом научных обобщений и параллелей в разных традициях.

Ольга Христофорова

Моя цель — грамотно, структурированно и увлекательно изложить фольклорно-этнографические материалы, в том числе редкие и малоизвестные; разрушить неверные стереотипы относительно того или иного явления культуры; вызвать интерес к моей научной области, а у молодых читателей —

и интерес к профессии исследователя. Издатель, как кажется, нацелен больше на коммерческий успех — отсюда и вышеупомянутая неразборчивость, характерная для всех издательств, занимающихся научпопом (мне попадались плохие книги во всех издательствах). Мой опыт взаимодействия с издательством был немного сложным в случае первой книги — литературный редактор переписывал текст вне режима рецензирования, что приводило, в том числе, к фактическим ошибкам, не говоря уже о стиле. Пришлось перечитывать текст и отменять негодную правку (конечно, была и правка полезная), это заняло время. В следующей книге обошлись без литературного редактора.

Вторая проблема — ссылки на источники. Издатели просят минимизировать их, чтобы не тратить драгоценный объем. Некоторые коллеги рассказывали, что весь их богатый ссылочный аппарат убрали из текста в QR-код. Началось это с научно-популярных книг для детей (якобы родители против того, чтобы платить за страницы со ссылками, воспринимавшиеся как «пустые» страницы), но теперь, с подорожанием производства, встречается и во взрослых сериях. Наконец — иллюстрации. Я подбирала картинки сама, но бывают обстоятельства, не позволяющие их публиковать — дороговизна, сложные отношения издательств и владельцев прав. Здесь приходится идти на компромиссы. В целом издатели всегда ориентируются на продажи, а значит — предпочитают запросы и вкусы читателей, какими бы странными и неправильными они ни казались экспертам.

— **Массовая аудитория предъявляет свои требования к научно-популярным текстам — насколько они для Вас значимы?**

— **Трудно ли переключаться между академическим и популярным стилем?**

— **В чем состоит принципиальное различие между двумя авторскими режимами и насколько оно преодолимо?**

— **Где пролегает граница между развлекательностью как признаком массовой беллетристики, к которой принадлежит и научпоп, и научной строгостью?**

— **Иными словами, чего в научно-популярном тексте больше — научности или популярности? И возможна ли золотая середина?**

— **На какого потенциального читателя Вы ориентируетесь в первую очередь — на детей и подростков или на взрослых?**

— **Насколько значимы для Вас читательские отклики и оценки коллег?**

Кирилл Королев

Слукавлю, конечно, если скажу, что пишу «как слышу и как дышу» и что мнение читателей, в том числе коллег, меня не слишком интересует, а главное для меня — высказаться. Башня из слоновой кости хороша для отшельника, но любая публичность предполагает, что ты должен учитывать чужие вкусы

и пожелания, а также — если говорить об академии — принятые научные конвенции. Поэтому — да, переключение между режимами письма требует усилий, стилистических и даже, если угодно, когнитивных — приходится всякий раз «перестраивать» сознание. Иногда получается просто, иногда со скрежетом. Труднее всего, пожалуй, переходить от научной дотошности и желания всесторонне обозначить какой-либо факт социальной действительности к его поверхностному, по необходимости, описанию в научпопе. Вот тут приходится порой себя по-настоящему ломать.

Еще интонация. В научпопе, на мой взгляд, нужна интонация в духе платоновских симпозиев: допустимы легкая ирония и диалог с читателем. В научных текстах это все ни к чему.

Не буду утверждать, что при работе над текстом воображаю некоего условного потенциального читателя, но какое-то аморфное представление о нем у меня, безусловно, имеется. Причем определяется оно, скорее, не возрастными или гендерными, а символическо-статусными характеристиками: бывает, смотрю на написанную фразу и думаю: «Нет, обычный читатель этого не поймет, надо переформулировать.» Хотя если меня попросят составить словесный портрет этого «простого читателя», я, наверное, растеряюсь и лишь разведу руками.

Другая мерка статусности — восприятие моего текста неким обобщенным коллегой. «Так, я написал то-то и то-то, а насколько это вообще приемлемо с научной точки зрения?» Тут уже в уме возникают отдельные конкретные фигуры, чьим научным мнением я дорожу. Рисуете спор с ними, аргументы и контраргументы, и такое мысленное сопоставление помогает порой отыскать и убрать благоглупости, которые иначе могли бы пойти в печать (увлекся или изложил некорректно, а потом краснел бы от стыда).

В целом пишу я, наверное, сразу и для взрослых, и, как указывали в выходных данных в советские времена, для «старшего школьного возраста» и студентов.

Наталья Петрова

Запрос аудитории на ясность, доступность и увлекательность научно-популярного текста, без сомнения, важен и определяет правила игры, которые мы принимаем, соглашаясь на написание такой книги. На мой взгляд, принципиальное различие между двумя авторскими режимами — это большая масштабность (и оттого неизбежная поверхностность) популярного формата и узкая специализированность академического. В своих статьях и даже диссертациях мы чаще рассматриваем очень конкретные фрагменты или отдельные аспекты фольклорной традиции (вроде «ареальной дистрибуции номинаций домового»), тогда как книга «про фольклор» часто требует более общего ликбеза «про славянскую мифологию вообще» или «про богатырей в целом».

Читатель, которого я мысленно представляю, работая над научно-популярной книгой — это мой условный студент, до которого мне надо донести академически-корректную информацию, но в процессе не уморить его страшными терминами и заунывными описаниями.

У меня есть *guilty pleasure*: периодически ищу читательские отзывы на свои книги. Радуюсь положительным, расстраиваюсь из-за отрицательных, хотя некоторые из последних могут помочь лучше «попасть в формат» или узнать какие-то конкретные запросы аудитории, например, на большее этническое разнообразие традиций, представленных в книге. Оценки коллег тоже важны, но, кажется, академические тексты друг друга мы все же читаем чаще, чем научно-популярные.

Надежда Рычкова

Честно говоря, я не знаю о требованиях, которые предъявляет аудитория. Издательства не выдавали мне редакционную политику в отношении научно-популярных книг. Поэтому я сама решаю, как буду адаптировать текст. На самом деле я и в академических статьях предпочитаю облегченный стиль — если мы говорим о языке. Избегаю пассивных конструкций, обилия причастных оборотов и сложных предложений. Переключения не требуют больших усилий.

Что касается глубины знаний — стараюсь не упрощать. Даже для детей. Я ориентируюсь на своих сыновей — объясняя им что-то, я использую простые слова, но никогда не упускаю смыслы, даже если дети пока не все понимают. Вспомнят об этом потом, вернуться, перечитают и откроют что-то другое. Я всегда тестирую на них книгу — у старшего задача выделить места, которые требуют пояснений. Я прохожусь по его заметкам и перестраиваю конструкции. Для первой детской книги я приглашала разновозрастных детей — они читали вслух, а я наблюдала, где спотыкаются, что переспрашивают. Потом отработывала их комментарии.

Самое сложное в научпопе — уместиться в заданный объем. От количества страниц, в том числе, зависит стоимость издания. Поэтому редактор сразу предупреждает, сколько авторских листов нужно. И тут начинается торговля с собой: о чем важнее рассказать, а что оставить за кадром. Проблема в том, что популярные издания всегда ориентируются на широкие темы. Допустим, книга обещает рассказать «все про Новый год» — а где про речь президента или мандарины? Да просто не вошло. Жертвовать глубиной других глав не стала — но читатели об этом не узнают.

Был со мной такой случай. Первый мой выпуск подкаста «Мрачные сказки» был посвящен свадьбе. Я написала сценарий страниц на десять, тайминг — 20 минут. В итоге — рассказала только начало. Слушатели в комментариях уточняли: «А про это где, а про это?» Мне хотелось отвечать каждому: я просто не успела! Так и в книгах. Иногда ты ограничен выбранной структурой глав, иногда общим объемом книги. С опытом наверняка появится умение сохранять баланс, но пока я каждый раз переживаю, что уместила не все.

Принципиальное различие есть, и оно не в языке, а в логике работы с материалом. Важная характеристика фольклора — диалектность. Нет универсальной общерусской Пасхи, Масленицы и т.д. Поэтому чаще всего фольклористы работают с той традицией, которая знакома им по полевым материалам. Безусловно, это не исключает сравнительный контекст, но в основе — одна-две доминанты. Когда же ты пишешь о Масленице вообще, рассказать обо всех региональных вариантах невозможно.

Научная работа требует постановки проблемы, новизны исследования и обзора литературы. Популярная всего этого избегает — ее задача объяснить знакомое. Но академическое «я» и тут пытается найти такой новый ракурс даже для известной темы. Ввести в оборот неопубликованные полевые материалы, уточнить принятые в науке установки...

Для меня популярное — это скорее про форму, а не про содержание. Поэтому ты не просто писатель, ты креативный писатель: врезки, цитаты, задания. Нужно думать, как удержать внимание, чем зацепить, как разнообразить форму. Детские редакторы просят добавлять интерактив, чтобы дети могли закрепить материал. Иногда придумать задание к разделу бывает очень сложно, но это, скажем так, издержки формата, на которые ты сознательно соглашаешься.

Золотая середина возможна, но она не в пропорции 50/50, а в честности. Вот мой критерий: ты имеешь право упрощать форму (опускать пассивные конструкции, заменять термины метафорами), но не имеешь права упрощать факты и выводы. В каждой моей книге научность определяет содержание — что именно я рассказываю. Популярность определяет, как я это рассказываю.

У меня есть и взрослые, и детские книги. Из моих ответов ясно, что писать вторые сложнее. Но для меня это возможность рассказать еще ясной голове, не заполненной большим количеством «знаний» о фольклоре, то, что действительно важно в нашей дисциплине. Показать, что традиция диалектна, что мифологические представления и народную религию разделить невозможно, что праздники — это не только радость и веселье, а еще и важный инструмент политики государства. Я наивно верю, что могу хоть как-то повлиять на молодые умы. Я убеждена, что в детские книги заглядывают и взрослые — и для них многие детали будут важными. Ребенок пропустит, а родитель учтет. Поэтому я считаю, что детский науцпоп нужно писать для двух аудиторий: и для детей, и для взрослых.

Я слежу за отзывами на маркетплейсах. Особенно переживала за первую книгу. Дальше все проще: ты уже понимаешь индустрию, знаешь аудиторию и примерно представляешь, о чем будешь писать. Чтобы не беспокоиться о том, что скажут коллеги, я думаю о них на всем протяжении создания книги: «А если ее прочитает вот этот специалист? А тот?» Стараюсь писать так, чтобы не стыдно было отправить книгу Сергею Юрьевичу Неклюдову. Да, она не научная, но я все равно старалась, изо всех сил.

Дарья Трынкина

Для меня это одновременно и простой, и сложный вопрос. Если бы я объясняла студентам, то сказала бы, что научный текст отличается от ненаучного именно постановка проблемы. Утрируя: в основе вашего исследования должна лежать научная проблема. Исследование не может быть обо всем и ни о чем («взгляд и нечто»), не может носить описательный характер и не может быть перечнем чьих-то еще достижений и выводов. Но реальность, разумеется, гораздо сложнее.

В реальности сам идеал науки расплывается. Многое зависит и от научных школ, и от представлений о знании, и от дихотомии «метрополия — провин-

ция», и от возраста самого исследователя, и, в конце концов, от представлений о научном престиже, от структуры научного поля и от того, какие акторы в нем обладают символическим капиталом.

Парадоксально, но научные и научно-популярные книги могут практически не различаться. Несколько раз я всерьез объясняла коллегам, что мои книги о Японии не могут считаться научными, потому что там нет моего собственного исследования. Там нет научной проблемы, так как проблема «обзора мифологических образов, их источников и методов их изучения» — ненаучная. Тем не менее, кандидатская диссертация тоже, как считается, должна быть лишь обзором существующего материала и концепций его анализа в определенной сфере. И, разумеется, на моей последней книге о японской мифологии стоит гордая метка «научное издание».

Однако именно моя академическая занятность во всех случаях послужила тому, что ко мне обращались и заказывали книги (и одновременно тому, что от них потом отказывались).

Мы живем в научной парадигме. Наука для нас является последней инстанцией, а научный авторитет считается незыблемым. Поэтому издательства заинтересованы в освящении популярной литературы авторством ученого, в некоем ультимативном критерии аутентичности информации и способа познания мира (хотя, возвращаясь к Полу Фейерабенду: почему книгу о ведьмах не может написать ведьма?). При этом очень часто при работе с книгой издатели как будто сами себе ставят палки в колеса: после одобрения книги мне предлагали полностью переработать текст, чтобы он стал более развлекательным, или же с окончанием моей работы меня ставили перед фактом, что аудитория книги непонятна даже издателю. Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось многим издателям научно-популярных книг (например, что научные сотрудники пишут научным стилем).

Перефразируя Лафкадио Хёрна, который писал научпоп о Японии более века назад²: благословенны те, кто не боится научпопа от ученых, которых они сами и позвали!

Герман Устьянцев

Читатели фольклорного нон-фикшна, по моим наблюдениям, очень разнородная группа. Мне кажется, что выделить условные «требования» довольно сложно. Кто-то ищет интересные сюжеты, кто-то хочет больше узнать об истории и этнографии региона, а кто-то покупает книгу в надежде на экспертный комментарий.

Для меня в силу небольшого опыта «переключение кодов» в написании текстов дается с трудом. На данный момент я, наверное, еще учусь писать тексты разной стилистики. Работая в направлении научпопа, я стараюсь избавляться от сложных формулировок, перегруженности текста и привычных для меня научных терминов. Также важно, чтобы книга хорошо воспринималась на слух, ведь сейчас тексты выходят и в аудиоформате, а это уже отдельная задача.

² «Blessed are they who do not too much fear the gods which they have made!» (Hearn 1894: 35).

Хочется сказать, что важен баланс научности и доступности изложения, но в реальности он достигается крайне редко. По моим наблюдениям, в научно-популярных изданиях, как правило, превалирует один из этих компонентов. Жанровые особенности наукопопа предполагают отсутствие или упрощение историографической части, описания источников и методологии. Авторы стараются минимизировать цитирование других исследователей и упростить концептуализацию. И, пожалуй, самое главное: нон-фикшн не обязательно ставит своей целью выработку и введение в научный оборот нового знания. Именно так я для себя определяю эти отличия.

В то же время я думаю, что золотой середины в научно-популярном тексте быть не может. Это связано с разнородностью читателей: некоторые сочтут текст слишком поверхностным и упрощенным, а другим, напротив, он покажется излишне научным и сложным. Наверное, жанр наукопопа рождается на стыке авторской задумки и впечатлений читателей.

Для кого я пишу научно-популярные работы? Затрудняюсь ответить. Какого-то единого конкретного образа читателя у меня в голове нет. Мои изначальные предположения о том, кому потенциально может быть интересна книга, разошлись с эмпирикой. Судя по читательским отзывам, это очень разные люди. Но я заметил одну особенность: книгу часто приобретают выходцы из конкретных регионов, например, Урало-Поволжья, — те, кто хочет узнать что-то новое о близкой им культуре. Увидеть что-то «свое» в тексте для читателя — это очень приятно.

Я знакомлюсь с отзывами носителей традиции и коллег о книге. Она проходила рецензирование и обсуждение для рекомендации к печати. Это помогло мне учесть и исправить некоторые нюансы на стадии подготовки рукописи. Комментарии читателей тоже важны, так как я пока плохо представляю себе аудиторию и ее запросы. У некоторых книга вызывает ассоциации с детством, бабушкиными рассказами о деревне... Совсем не страшно.

Ольга Христофорова

Массовая аудитория нередко ищет открытий и новых, неожиданных объяснений известных фактов, хочет занимательности и однозначных ответов на сложные вопросы. Мне кажется, можно учитывать этот запрос и предлагать в занимательной форме точные и верные объяснения, не греша против научной истины, не домысливая и не «вчитывая» в описываемую культуру чуждые ей смыслы.

При этом стиль письма может быть доступным, легким и популярным — и даже должен быть таким. Нет ничего плохого в том, чтобы объяснять даже сложные вещи понятным языком — как студентам, так и массовому читателю. Академический стиль не обязательно должен быть недоступным тем, кто находится вне научного цеха. «Птичий язык» советской гуманитарной науки, наследие которого ощущается до сих пор, — это отчасти следствие особенностей той эпохи, когда приходилось писать «непонятно» для особого рода цензоров.

В наше время тоже есть свой «птичий» язык — это следствие новых концептуальных рамок и терминологического аппарата. Мне кажется, и в наукопо-

пе, если это необходимо, можно использовать новые подходы и термины, объясняя их. Лично я ориентируюсь на читателей, искренне заинтересованных в том, чтобы увидеть картину мира людей иных эпох и культур, во-первых, системно, и, во-вторых, «изнутри» — постараться понять, как они видели свой мир.

Наверное, представляю себе среди читателей прежде всего своих студентов. Оценки коллег и читателей, безусловно, важны. Лучший комплимент, который я получила после публикации книги о мифологии народов Сибири, был от студентки второго курса бакалавриата — она сказала, что этот материал казался ей хаотичным и трудным для понимания, а после прочтения книги он стал систематизированным и понятным.

Научная литература

Алексеевский М. Д., Верховцев Д. В., Винокуров Г. Д., Гусейнова А. Л., Крихтова Т. М., Мартыненко А. А., Сивков Д. Ю., Сталинов Г. А. «К людям ради людей»: антропологические телеграм-каналы глазами их авторов // *Антропологии/Anthropologies*. 2025. No 2. С. 41–66.

Hearn L. Glimpses of Unfamiliar Japan. Boston & New York. Houghton Mifflin Company, 1894. Vol. 1.

Interview

Korolev K. M., Petrova N. S., Rychkova N. N., Trynkina D. A., Ustyantsev G. Y., Khristoforova O. B. «Folk-enlightenment»: popular science literature on folklore in the assessments of scientific authors [«Folk-prosvet»: nauchno-populiarnaia literatura o fol'klоре v otsenakh avtorov-uchenykh] *Anthropologies*, 2026, no 1, pp. 46–71, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/46-71>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Korolev K. M. | cyrilkorolev@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0001-8831-2970>

Candidate of Sciences (Philology), independent researcher.

Petrova N. S. | pena.talya@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0002-6514-5601>

Candidate of Sciences (Philology), Senior Research Fellow, Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies, Russian State University for the Humanities, Head Department of Cultural Studies and Social Communication, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

Rychkova N. N. | nadya.vohman@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0001-5516-1643>

Candidate of Sciences (Philology), Senior Research Fellow, Laboratory for Theoretical Folklore Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); resp. secretary of the journal «Folklore: Structure, Typology, Semiotics».

Trynkina D. A. | gamagadoki@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0001-6432-204X>

Candidate of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), Associate Professor at the Institute of Anthropology and Ethnology (RSUH), English-language editor of *Urban Folklore & Anthropology* (School for Advanced Studies in the Humanities, RANEPA).

Ustyantsev G. Yu. | ustyantsev-93@mail.ru | <https://orcid.org/0000-0003-0655-3127>

Candidate of Sciences (History), Senior lecturer from Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS).

Khristoforova O. B. | okhrist@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0001-5041-2335>

Doctor of Sciences (Philology), director of the Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies, Russian State University for the Humanities; professor of the Institute of Anthropology and Ethnology, Russian State University for the Humanities; leading research fellow, Laboratory for Theoretical Folklore Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

Keywords: folklore, folklore studies, mass culture, public anthropology, knowledge production, mythology, popularization.

Abstract

The interview is focuses on modern Russian-language popular science literature on folklore and ethnography. Its participants — academic researchers, authors of popular science books — share their experience in this area. Among the issues discussed: the reasons for the growing reader interest in folklore and the nature of contemporary reader demand, the specifics of presenting scientific knowledge for a wide audience and the difficulty of switching between academic and popular science writing styles, interaction with publishers and the problem of expertise. The answers of the survey participants reveal many details of modern «folklore education», its features and prospects.

References

- Alekseevskii M. D., Verkhovtsev D. V., Vinokurov G. D., Guseinova A. L., Krikhtova T. M., Martynenko A. A., Sivkov D. Yu., Stalinov G. A. 2025. «K liudiam radi liudei»: antropologicheskie telegram-kanaly glazami ikh avtorov [«To people for people's sake»: anthropological Telegram channels through the eyes of their authors] *Antropologii/ Anthropologies* 2: S. 41–66. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2>
- Hearn L. 1894. *Glimpses of Unfamiliar Japan*. Boston & New York. Houghton Mifflin Company. Vol. 1.

